

*Моим родным,
пережившим блокаду, и тем,
кто не дожил до Победы,
посвящается...*

ВОЙНА

Летние выходные. Наступило еще одно, казалось бы, ничем не примечательное солнечное июньское утро. Огромная страна неторопливо просыпалась, чтобы приступить к своей обычной повседневной жизни. У детворы в самом разгаре школьные каникулы — целое лето приключений и радости, у выпускников последний звонок — впереди взрослая интересная жизнь, полная взлетов и падений, счастья и трудностей. Целая жизнь.

Люди работали и отдыхали. Кто-то болел ангиной или гриппом, кто-то ставил очередные спортивные рекорды, люди создавали семьи и расставались, делали карьеры и получали выговоры от начальства, защищались диссертации, мальчишки мечтали о полетах вокруг земного шара, об арктических экспедициях, на кухнях варились щи и солянки, жарились рыба и котлеты, у кого-то они даже подгорали, пеклись пироги и торты, выполнялся и перевыполнялся план на производстве, весело и с размахом праздновались дни рождения, кто-то собирался в отпуск, кто-то готовился к переезду на новую квартиру, закончилась

посевная, строились новые дома, в Москве появился чудесный подземный дворец — метро, в больницах делались операции, морские просторы бороздили корабли. Люди мечтали, ссорились и мирились, надеялись, любили, а иногда ненавидели, разочаровывались и заново обретали силы. Горести и радости. Жизнь. Планы. Радость. Благополучие.

Все то же неспешное воскресное утро. Улица. Репродуктор. Люди следуют по своим делам, замедляют шаг, останавливаются, подходят к уже стоящим, вслушиваются. Их становится все больше. Море людей заполняет все окружающее пространство. «Граждане и гражданки... в 4 часа утра... без объявления войны... подвергли бомбежке... разбойничье нападение... изгнать... с территории нашей страны... непоколебимая уверенность... весь наш народ теперь должен быть сплочен и един...»

И самое главное, ни на секунду не сомневающееся, жизнеутверждающее — «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Шок. Почему? Этого не может быть. Это неправда. Быстрее, чем в одно мгновение, все личные горести и радости, планы и заботы, надежды и стремления оказались маленькими, незначительными, оставшимися там, в прошлом, в прошлой мирной жизни...

Война. Что это? Страшное непонятное слово. Что это такое — война? И она здесь, у нас, практически на пороге каждого дома...

Красная армия, героически принявшая на себя основной удар. Всеобщая мобилизация. Ты записался добровольцем? Все на фронт! Колонны ополченцев

маршируют по городу и отправляются на передовую — и стар и млад, как одно единое целое, встают на защиту Родины. Героический подвиг флота. Перепрофилирование производства — все для фронта, все для победы.

Бомбардировщики в небе уже стали привычными, страшный нарастающий рев моторов, затемнение на окнах, звук разрывающихся снарядов, бомбоубежища в городах — приходится уже настойчиво просить людей спуститься в них, вражеские налеты перестали пугать, танки и боевая техника на улицах, старушки, крестьянские вслед отправляющихся на встречу с неприятелем героев. Храни вас Бог. Горечь первых потерь, первые похороны, эвакуация, голос Левитана из репродуктора — с замиранием сердца люди с надеждой слушают последние известия, ловя каждое слово, вся земля в огне, там, где сеяли пшеницу и паслись стада коров, теперь окопы, следы от танков, воронки от вражеских снарядов. Партизанские отряды, кровавые страшные беспощадные бои идут за каждую пядь родной земли. Жизни становятся подвигом. Рвутся снаряды, гибнут боевые товарищи, медики в полевых условиях проводят сложнейшие операции — спасая бойцов, фронтовые сто грамм, «Катюша», первые победы, первые отвоеванные у противника родные города и села. Морские сражения — корабли и подводные лодки. Мины и торпеды. За Родину!

Отечество в опасности. Народная война. Отечественная война.

Героизм и мужество обычных людей. Простые рабочие и колхозники, а еще учителя, врачи, инже-

неры, ученые, солдаты и матросы, сотни тысяч доселе обычных, ничем не знаменитых людей превратятся в героев, в легенды, в тех, кому впоследствии в знак благодарности поклонятся до земли их потомки, в тех, о ком будут слагать песни и стихи, о ком напишут книги. Неизвестный солдат. Борьба. Враг не пройдет.

Битва за Москву, столицу, сердце великой страны, плану Барбаросса — нет, не имеющий себе равных на Земле по силе пренебрежения к врагу парад на Красной площади, транслировавшийся по всему миру, на парад с передовой, с парада — прямо в бой, морозная Москва, танки и бронетехника следуют по исторической брусчатке, идет пехота, звучат бравурные марши; стоять до конца, воля к победе, правое дело. Сила духа, вера в победу.

Сталинградская битва, переломный этап, крупнейший полигон военных действий, грандиозность и трагизм происходящего. Здесь писалась история человечества на столетия вперед. Каждая улица, каждый дом — крепость, остановим, не отдадим.

Блокада Ленинграда — 900 страшных дней и ночей героического подвига — трудового и ратного, сотен тысяч героев, мужчин и женщин, стариков и детей. Страшный голод, 125 блокадных граммов хлеба, в котором практически нет муки, ежедневные бомбежки, лютые морозные зимы, замерзающие люди на улицах, братское захоронение, Дорога жизни, работающие производства — все для нужд фронта, школы, Шостакович, спасенные музейные ценности, спасенные памятники архитектуры — спасение ми-

ровой культурной цивилизации. Прорыв и полное снятие блокады. Вместо воздушной тревоги в небе праздничный салют, слезы, объятия, цветы победителям, вечная память павшим. Враг не прошел.

Тысячи маленьких, никому доселе не известных мирных деревень и поселков. О них теперь знает и говорит весь мир. Боль, страдания, трагизм, героическое сопротивление. Все отечество — каждый дом, каждая семья, каждый гражданин поднялись на защиту великой страны. Доблестные подвиги десятков, сотен тысяч простых мирных людей самых мирных профессий, в миг превратившихся в неустрашимых неизвестных героев.

И наконец...

Знамя Победы развевается над поверженным Рейхстагом.

Парад на Красной площади. Праздничное убранство столицы, радость и ликование народа. Народа-победителя. А на улице ливень — символически уносит все плохое, все тяготы и лишения, открывая дорогу новой мирной жизни, созиданию и строительству нового, светлого, мирного будущего.

Кажется, как будто еще не смыв с лиц и мундиров порох военных походов, чеканя шаг, идут по исторической брусчатке бойцы Красной Армии — генералы и офицеры, рядовые и сержанты. Гремит оркестр. Едет военная техника. И вот под барабанную дробь несут знамена и штандарты поверженных вражеских полков и кидают их к подножию Мавзолея.

Праздничный салют в ночном небе.

Наше дело правое. Враг разбит.

Великая победа. Народная победа.

БЛОКАДНЫЕ ДЕТИ

Мальчишки и девчонки блокадного Ленинграда. Те, чье детство так стремительно оборвалось, не успев начаться. Те, кто, в одночасье повзрослев, наравне со взрослыми пришли на завод, кто делал мины, бомбы и снаряды, стоя на деревянных ящиках, потому что иначе было просто не дотянуться до станка.

Кто рыл окопы, сжимая в маленьких ладонях огромную лопату, кто помогал взрослым строить баррикады на улицах, чтобы не впустить врага в город. Кто выращивал овощи в блокадных огородах, чтобы спасти людей от голода.

Кто не запускал в небо бумажных змеев, не купался в озере, не ел блинчики с повидлом, кому не пекли торт на день рождения, не дарили велосипед, не покупали мороженое.

Кто не гонял в футбол на улице, кому не дарили новые куклы и не водили гулять в парк.

Кто ночевал в бомбоубежищах, закутавшись в одеяло, чтобы хоть как-то согреться и заснуть под звуки разрывающихся снарядов. Чей растущий

организм не знал, что такое наесться вдоволь. Да и вообще просто нормально поесть.

Кто почти забыл, что такое мирное, спокойное небо. Что такое тишина и как это — жить, когда ты постоянно не слышишь звук метронома.

И кто вопреки всему ходил в школу — слабый, обессиленный от голода, сквозь холод и сугробы, шел на занятия. Потому что дети даже в осажденном городе должны учиться. Потому что скоро наступит наша Победа, и начнется мирное время, и самая лучшая помощь взрослым, чтобы приблизить Победу, — это твои хорошие оценки.

И кто во время артобстрелов вместе со взрослыми дежурил на крыше и тушил сбрасываемые туда зажигательные бомбы. А вокруг — темная ночь, дрожит дом, дрожит, кажется, даже вся земля. А с неба падают горящие бомбы, и нужно успеть подскочить к ним и сбросить вниз с крыши, пока они не успели разгореться и не подожгли все вокруг. И не важно: страшно тебе или нет, хочется ли тебе в этот момент прямо с головой залезть под одеяло и крепко-крепко зажмурить глаза, а потом снова их открыть и понять, что все происходящее — это просто кошмарный сон, потому что то, что сейчас происходит вокруг, просто не может существовать в действительности, в реальной жизни. А особенно в жизни тех, кто успел прожить на этом свете всего-то ничего — чуть больше какого-то десятка лет, а иногда и того меньше.

Кто помогал матерям носить воду из обледенелых рек — потому что водопровод не работал.

А кипятилок дома должен быть всегда — он спасал от холода и голода.

Кто мечтал, что когда наступит мирное время, то он сможет поесть. Нет, не варенья, мороженого и пирожных, а просто обычной еды, только вдоволь, той еды, есть которую обычно очень трудно заставить обычных детей. Детей мирного времени.

Кто вместе с матерями вез на саночках хоронить умерших родственников. Помогал, как мог, потому что иначе было нельзя. А детство... оно вернется потом, в мирное время.

Это и обычная маленькая девочка. Простая школьница из самой обычной ленинградской семьи. Таня. Кем бы она стала в мирной жизни, какая бы она была, если бы смогла стать взрослой? Если бы у нее был такой шанс? Где бы она училась и кем бы работала? Стала бы ветреной кокеткой или, наоборот, образцовой матерью большой семьи?

Блокадный дневник этой самой обычной девочки читают теперь взрослые всего мира. Нехитрые записи, сделанные детским почерком. Записи, от которых становится страшно и жутко. От которых кровь холодеет. В реальность которых практически невозможно поверить среднестатистическому обывателю. В каком-то оставшемся с мирного времени блокноте, возможно, подаренном кем-то из родственников или просто купленном в канцелярском магазине по случаю. Вряд ли, покупая этот небольшой непримечательный блокнотик, кто-то мог даже представить, какая судьба ему уготована.

Это те, кто вместе со взрослыми приблизил победу, кто рассмеялся в лицо врагу. Не по годам серьезные, худые, сосредоточенные и бесстрашные — мальчишки и девчонки осажденного Ленинграда.

Кого зимой на грузовиках вывозили из-под бомбежек по льду Ладожского озера. А еще вас везли из осажденного города кораблями и поездами. Взрослые, как могли, пытались вас спасти, убедить, пытались подарить вам жизнь и, возможно, даже детство. Это вы, чьи игрушки потом находили красноармейцы, расчищая завалы от разбомбленных поездов. Чьи куклы и плюшевые мишки прибывали во время прилива к берегу воды огромного озера, которое не смогло уберечь вас от вражеских обстрелов.

Но в душе вы были все равно мальчишками и девчонками. С детскими радостями, печальями, весельем и фантазиями. И верой в приближающуюся Победу. С огромным количеством планов, которые предстоит воплотить в мирной жизни.

Вам, в бессмертие ушедшим, вам писавшим героические страницы истории, низкий поклон до земли от благодарных потомков.

ДЕНЬ

Вот и сессия позади. Прощайте до самой осени, учебники и конспекты. За плечами ни много ни мало — целый первый курс. А за окном — июнь. Двадцать первое число. Теперь уже второкурсница Катя вздохнула с облегчением. Впереди заслуженные каникулы. Только что позвонила лучшая подруга Соня, и девочки договорились провести весь следующий день в прогулках по родному городу.

А сейчас пора ложиться спать — в предвкушении завтрашнего дня. Едва лишь донеся голову до подушки, Катя погрузилась в сладкий, крепкий сон.

И вот с самого утра они с Соней уже гуляют по шумному и вечно куда-то спешащему Невскому. Ярко светит солнце, обнимая и согревая своими лучами все, что попадется ему на пути, щедро даря свое тепло, радость и празднично-приподнятое настроение улицам, домам, скверам и паркам и, конечно же, людям. А людей вокруг много. Жизнь бурлит и переливается через край мироздания. Улыбки, смех, нарядно одетые прохожие. Затейливо украшенные витрины магазинов, многочисленные уютные кафе и шикарные рестораны; мимо проносятся машины, неспешно

и вальяжно, строго по своему маршруту, подобно важным неторопливым жукам, следуют серьезные рогатые троллейбусы, автобус неторопливо распахивает двери, чтобы выпустить из своего бездонного чрева доехавших до места назначения и забрать новых пассажиров. Выходной. Обычная суета.

Все это поглощает, захватывает, завораживает. И ты с головой погружаешься в этот поток солнца, света, радости, причудливого терпкого смешения запахов, красивых старинных зданий, разноцветной, разношерстной толпы и беззаботности. Время, казалось, остановилось. Девушки полностью слились с происходящим вокруг них. Но вот пора перекусить. Катя и Соня увидели небольшое симпатичное кафе. Оно располагалось в милом подвальчике огромного дома, скорее всего, построенного еще в веке девятнадцатом, с живописным фасадом, украшенным лепниной и барельефами. Над входом — вывеска с изображением аппетитных разносолов, которые, по всей видимости, предлагается отведать всем, кто решит зайти на огонек. Аж слюнки текут. Несколько ступенек вниз — и подруги у цели.

Катя открыла дверь и по инерции сделала несколько шагов вперед, Соня последовала за ней. Дверь захлопнулась.

Что это? Вдруг стало очень холодно, мороз обжег лицо, руки, ноги, все тело. Что происходит? Где мы? Девушки огляделись. Вокруг снег, много снега, он везде — полностью покрывает собой улицу, превращая ее в белое поле. Нет, не совсем поле, тут есть и дома. Фасады старинных, до боли

знакомых зданий теперь выглядят зловеще и устрашающе. И еще руины, несколько домов — от них остались только стены, сквозь которые видны небо, воздух, бесконечность. А ведь это же Невский.

Но что с ним не так? Всего пару минут назад он переливался, играл буйством красок, а сейчас здесь только два цвета — темный и белый.

Машин нет. Где тротуар, где проезжая часть — непонятно. Один большой путь. В снегу виднеются многочисленные протоптанные дорожки.

Окна домов большей частью заколочены, там, где остались стекла, на них крест-накрест наклеены длинные ленты — во всю длину и ширину. И очень много темных дыр, зияющих в оконных пролетах.

И самое главное — люди. Медленно, погрузившись в себя, пошатываясь, но одновременно уверенно и целенаправленно двигаются они в разных направлениях. И эту уверенность не сможет поколебать никто и ничто на этой земле и за ее пределами. Закутанные и замотанные во все, что только существует из одежды, чтобы хоть немного согреться, обвязанные теплыми платками, шарфами, в валенках. Многие везут саночки. Фонтанка всего в квартале отсюда. На саночках стоят бидоны, чайники. Люди спускаются по обледенелой дорожке к реке. Это очень тяжело — наледь — и достаточно высоко. Многие падают, обессиленные от голода, но вновь поднимаются и продолжают свой путь.

В Фонтанке выдолблена прорубь. Женщины наклоняются и ковшами с длинными ручками черпают оттуда воду. Лед очень толстый, наклоняться нужно

низко, чтобы достать до воды. И обратно с бидонами, наполненными водой, отправляются пешком к своим домам. Там надо растопить печку-буржуйку, вскипятить воду, возможно, в буфете даже осталось совсем немного хлеба. Это даст силы, согреет, поможет продержаться. Истощенные лица. Светлые глаза.

Весь путь теперь нужно проделать в обратном направлении. Прошли несколько женщин, тоже с саночками, на которых лежало что-то большое, завернутое в простыню.

Неторопливость и безмолвие.

Вдруг из множества репродукторов оглушительно и страшно заревела сирена, пронзая своим воем тишину вокруг. Артобстрел. Самолеты со свастикой над городом. Страх и паники нет. Кто-то немедленно торопится на крыши тушить «зажигалки» — их, жужжащие и шипящие, сбрасывают с самолетов, чтобы спалить дома горожан, — дежурящие на крышах женщины забрасывают их песком. Кидают его сверху лопатами — и изворачивающееся, огнедышащее естество испускает дух. Орудия противовоздушной обороны направляют свои цели на самолеты, пытающиеся принести ужас и смерть. Город будет жить.

Каждодневный, ежечасный, ежеминутный, ежесекундный подвиг. Ленинградцы.

Зазвенел будильник. Катя открыла глаза. Освещенная солнечным светом комната, за окном цветущий куст черемухи, из кухни доносится аромат готовящегося завтрака. И над всем этим высокое, голубое, чистое небо.

ВЕЗУЩИЕ ЖИЗНЬ

Зимние сумерки. Снег и стужа. Стоит пронзительная тишина. Вокруг — бескрайнее пустынное пространство насколько хватает глаз. Вот вдали показались движущиеся темные точки. Одна за другой прорезают они собой горизонт. Постепенно увеличиваются, приобретают очертания. Машины. Грузовики. Едут неторопливо. Осторожно. У них в багажниках ценный груз. Вдруг вспыхивает яркий свет, освещая темноту, кажется, покрывшую собой весь земной шар, — зажигаются глаза-фары.

Колонна машин медленно и уверенно прокладывает себе путь сквозь неподвижность. Неподвижность постоянна и незыблема, а они едут. У них — цель. И эта цель главенствует сейчас надо всем. Иное не имеет значения. Сейчас — только движение. Глобальность формируется из малого. И совокупность малого и есть глобальность.

Под ними — вода. Метры глубокой, коварной воды — скрытые под толщей льда. Бездна. Но грозная стихия поддерживает их. Над ними — небо.

Низкое и темное. Космос безмолвно и безразлично следит сверху за происходящим.

Машины едут. Скрипит снег под колесами. В каждой машине человек управляет этим движением. Машины едут вперед. Они везут муку. Везут ее в город. Там люди. Из этой муки испекут хлеб. И накормят им людей. Хлеб даст силы. Небольшие, но силы. Они нужны людям. Люди затопят печку-буржуйку — дома станет тепло. Вскипятят воду. Пошатываясь от слабости, выйдут на улицу — на работу, за водой, в бомбоубежище, на дежурство на крыши. Хлеб подарит жизнь.

Машины ждут.

И машины едут. Едут без усталости, одна за другой. Времени не существует. Все замерло, остановилось. Существует лишь это движение — здесь и сейчас.

Вдруг — отдаленный грохот. Он нарастает. Постепенно. Приближается. Становится все сильнее и сильнее. Громче и громче. В небе летят самолеты. Самолеты со свастикой.

Машины останавливаются. Жерла самолетов неспешно открываются. Из них вываливаются бомбы. Стремительно падают вниз. Ровное белое пространство превращается в месиво. Тут и там вверх взмывают столбы воды. Во льду образуются воронки. Огонь. Зарево. Взрывы.

Вода выходит на поверхность. Медленно одна из машин начинает постепенно оседать вниз, исчезать из виду. Затем еще одна. К ним кидаются водители из других грузовиков. Хватают мешки. В мешках —

мука. Мука — это чья-то жизнь. Озеро забирает ее себе и смыкает над ней свои воды. Через мгновение оно снова неподвижно. Лишь совсем недолго где-то в темной пугающей глубине виднеются светящиеся глаза-фары, а потом и они исчезают.

Как будто ничего не произошло.

Стихия нейтральна. Ее потревожили.

Гул опять нарастает. Приближаются еще самолеты. На них звезды. Они атакуют. Небеса разверзлись. Грохот. Идет воздушный бой. Кажется, вот-вот наступит Апокалипсис. Наша победа.

Вокруг опять пронзительная тишина. Огни фар.

Колонна продолжает свое движение. Машины очень ждут.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ДЕВОЧКА

Второклассница Кира вернулась домой из школы слегка озадаченной.

— Как прошли уроки? — спросила ее бабушка. — Что было интересного? Сколько пятерок ты получила?

Кира немного помолчала, а потом сказала:

— Бабушка, сегодня на перемене мальчишки кидались в столовой хлебом. Было весело. И тут пришла наша учительница Мария Петровна. Она очень расстроилась, когда это увидела. Отчитала мальчишек. А потом прозвенел звонок, мы вернулись в класс на урок. И увидели, что Мария Петровна плакала. Она сказала, что нельзя кидаться продуктами, а особенно хлебом. Что к хлебу нужно относиться с большим уважением. Потому что очень давно в нашем городе была блокада. Город был окружен со всех сторон врагом. Людям было совсем нечего кушать. И хлеб был их единственным спасением. Бабушка, а ты знаешь, что такое блокада? Про что нам рассказывала Мария Петровна?

— Да, Кирочка, — ответила бабушка. — Я знаю, что такое блокада.

В то время я была совсем маленькой девочкой, такой же, как ты сейчас. Я с родителями жила в Ленинграде на улице Чайковского и ходила в школу во второй класс. А летом мои родители, твои прабабушка и прадедушка, снимали дачу недалеко от Ленинграда. Там были лес и речка. И мы там обычно жили с мамой все лето. А папа приезжал к нам на выходные.

Я помню, как однажды проснулась на даче солнечным воскресным утром. В этот день мы должны были пойти с ребятами купаться на речку, а потом в гости к одной девочке, у нее был день рождения. И у меня был приготовлен для нее подарок — красивая кукла. Но тут к нам в дом пришли соседка тетя Паша и еще несколько взрослых. Я слышала, как они разговаривают с мамой. И несколько раз услышала незнакомое слово — война. Война — что это такое и почему из-за этого я не могу пойти на день рождения? Днем приехал папа, и мы начали собирать вещи, чтобы уехать обратно в Ленинград.

В Ленинграде все было по-другому. Лица людей уже не выглядели такими беззаботными и веселыми, как это бывает в редкие летние солнечные деньки. Люди собирались на улице у репродукторов — слушали новости. Что происходит на фронте. Я узнала новое слово — фронт. Это место, где идет бой между нашей армией и врагами. Все думали, что война — это какое-то недоразумение и она должна вот-вот закончиться. И мы опять заживем нашей прежней жизнью. Ну а мы с мамой вернемся на дачу.

Через несколько недель папа ушел с завода. Он сказал, что должен вступить в ополчение и пойти на фронт, чтобы разбить врага и защитить нашу родину. Ему выдали форму, винтовку, и он вместе с другими мужчинами ушел защищать наш город. Их отряд прошел по центральным улицам. Мы с мамой ходили провожать, махали им вслед. Рядом стояло много людей, тоже провожающих. Многие плакали.

Моя мама работала врачом в больнице. Теперь она не приходила подолгу домой, оставалась на работе ночью. В больницу стали привозить первых раненых. Сначала это было очень непривычно — видеть столько покалеченных, окровавленных людей. Раненых привозили с фронта. К ним приходили врачи, медсестры, санитарки и просили рассказать, что там происходит и когда закончится эта война.

От папы несколько раз приходили письма. В них он передавал нам привет, говорил, что скучает по нам и что воюет — защищает нашу родину от врагов.

Очень скоро в магазинах стало меньше продуктов — мама сказала, что надо беречь еду. Потом я узнала новое слова «продовольственные карточки». Нам стали выдавать карточки, я ходила с мамой их отоваривать, мы стояли в большой очереди. Мама давала продавщице карточки, а та взвешивала на весах хлеб, и мы шли домой. Дома мама резала этот хлеб на маленькие кусочки — чтобы разделить его на несколько дней. А потом говорила мне, чтобы я подобрала со стола все оставшиеся крошечки. Мне все время очень хотелось кушать.

Мама часто отрезала мне больший кусок, чем себе. Говорила, что мне нужно расти, а для этого нужны силы. Это был наш завтрак, обед и ужин. У нас на буфете стояли красивые старинные часы. Я сидела в кресле и смотрела, как двигается стрелка на часах. Ждала приближение ужина.

А потом наступила зима. Было очень холодно. Так холодно еще не было никогда. Мороз был минус сорок. Мы надевали на себя всю теплую одежду, закутывались в теплые платки, на руки несколько варежек. Но было все равно холодно. И дома, и на улице. Дома мама соорудила домашнюю печку. Такие печки были теперь во всех квартирах. Они назывались «печки-буржуйки». Мы топили их старыми тетрадами, мебелью, вещами. Книги старались беречь. От буржуйки было немного тепла, и еще мы кипятили на них воду. За водой мы ходили на реку Фонтанку. Потому что наш водопровод разбомбили. Мы с мамой брали мои саночки, ставили на них несколько бидонов и отправлялись в путь. Набирали воду в реке, ставили бидоны на саночки, а потом шли обратно. Шли очень медленно. Потому что сил было мало. В городе начался голод.

А еще нас бомбили. Я узнала новое слово — «бомбоубежище». Так теперь назывался наш подвал. Когда звучал сигнал — воздушная тревога, — нужно было быстро собраться, взять с собой сумку с документами и водой и спускаться в подвал. Там уже стояли девушки-дежурные, которые отвечали за противовоздушную оборону — они говорили всем людям поторопиться и идти быстрее. Там,

в подвале, мы сидели иногда по несколько часов, а потом нам разрешали вернуться домой. Сначала было страшно и непонятно. А потом все уже перестали бояться. Иногда, когда мы выходили из подвала, мы видели, что рядом разрушен дом. И там уже работают спасательные бригады — расчищают завалы и пытаются найти живых людей.

Дома у нас окна всегда были завешены. А в один мамин выходной я помогала ей оклеивать их ленточками бумаги. Крест-накрест. Это нужно было сделать для того, чтобы стекла не разбились во время обстрела.

Несмотря на голод, холод и бомбежки, наша школа продолжала работать. Хоть и ребят в ней стало намного меньше. Многие уехали, а кто-то умер от голода или во время обстрела.

Скоро я узнала еще одно новое слово — «эвакуация».

Нас с классом посадили на поезд, с нами поехала одна учительница, и нас повезли в эвакуацию. Мама осталась в Ленинграде — работать в больнице. По дороге нам несколько раз приходилось выбегать из поезда, ложиться на землю и закрывать голову руками — потому что прилетали фашистские самолеты и бомбили все вокруг. Но учительница говорила, что скоро враг будет побежден и мы сможем вернуться домой. А пока самое лучшее, что мы можем сделать, чтобы помочь взрослым, — это хорошо учиться в школе.

Наш класс привезли в маленькую деревню. Сначала нас поселили в школе. И первое, что сделали, — покормили. Жители деревни принесли вареную кар-

тошку, лук, хлеб, кто что мог. Вскипятили большой самовар чая. И можно было есть сколько хочешь. Правда, взрослые не разрешили нам это сделать — чтобы не заболел живот. Мы ведь уже отвыкли нормально питаться. Все дети были очень худые. Люди смотрели, как мы ели, и многие плакали.

Потом нас всех забрали жить в разные семьи. Я писала маме письма. Писала, что у меня все хорошо, я хорошо учусь, стараюсь помогать по дому тете Зине (это женщина, которая взяла к себе в дом меня и еще одну девочку из нашего класса).

Так прошло несколько лет. И вот к нам в школу пришла незнакомая женщина в военной форме и сказала, что блокада Ленинграда полностью снята. Мы теперь можем возвращаться домой.

Нас опять посадили на поезд. Почти все жители деревни пришли нас провожать. За эти несколько лет мы все очень изменились, вытянулись и повзрослели.

И вот — мы в Ленинграде.

На вокзале нас встречают родственники. Встречают не всех. Вдруг на меня кидается со слезами, прижимает меня к себе какая-то незнакомая, очень худая женщина с провалившимися глазами — мама.

Мы едем домой. Едем на трамвае. Ленинградский трамвай опять пошел. Вокруг очень много разрушенных зданий. Наш дом на улице Чайковского уцелел.

Вот что я знаю о блокаде, Кира.

Бабушка закончила свой рассказ.

ОНА ЖИЛА В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Женщина и война — понятия несовместимые. Полностью, абсолютно, категорично. Женщина — это что-то мирное, спокойное, оберегающее, вдохновляющее. Но жизнь не спрашивала и не советовалась. Жизнь поступила иначе.

Тебе, отстоявшей свой город, тебе, не побоявшейся нечеловеческих лишений и тягот, взвалившей все на свои хрупкие плечи, тебе, несломленной и непобежденной — тебе, Ленинградке, посвящают поэты и художники свои творения.

Ленинградка — какая она? Да абсолютно разная. Это и молодая девчонка, только-только пришедшая работать на фабрику, и роскошная дама, любительница Серебряного века и искусства, это и ученая дева, полностью посвятившая себя науке, и беззаботная барышня-хохотушка, любящая ходить на танцы и вкусно готовить.

Ты не воспринимала происходящее вокруг себя как подвиг. Ты просто жила и боролась, как велела тебе твоя совесть. Ты не могла иначе.

Ты пекла хлеб из муки, только-только привезенной в город по уже достаточно хрупкому льду. Завод работал всю ночь, люди ждали, не расходились по домам, не знали, будет ли мука, окончится ли бомбежка, смогут ли прорваться в осажденный город грузовики.

Ты, ослабевшая от недоедания, старалась не вдыхать аромат свежее испеченного хлеба, от которого потекут слюнки даже у абсолютно сытого человека. Ты вынимала горячие буханки из печи, бережно прижимая их к себе. Хлеб — это святыня в осажденном городе. В городе, где голод.

Ты не думала, когда последний раз ты сама ела вдоволь. Главное — не думать об этом. Главное, что через час-два хлеб будет в магазине. Там уже стоит очередь таких же женщин. Замотанные в платки, закутанные во все, чем только можно себя закутать, чтобы спастись от холода, и от этого выглядящие совершенно бесформенными, стоят они на морозе, сжимая в руках продовольственные карточки, и очень надеются, что хлеб будет, что не придется возвращаться домой ни с чем. И прятать глаза от голодающих близких...

Ты убрала подальше свои красивые платья, духи и украшения. Впрочем, украшения, подаренные когда-то восхищенными твоей красотой поклонниками, на этот раз сослужили иную службу. Их можно было обменять на рынке на какую-нибудь еду. Еда — это жизнь.

Ты, которая до войны, в другое, в мирное время блистала своей красотой и очарованием. Ты, за

которой ухаживали толпы поклонников, ты, кому восхищенные мужчины дарили охапками розы, ты, которая вдохновляла их на новые открытия и свершения. Ты, которая в мирное время, возможно, поднимала дикий визг и крик при виде откуда ни возьмись забредшего в твою квартиру паука. Ты, которая раньше так боялась простудиться зимой, ты, перед которой всегда открывали двери галантные мужчины, пропуская тебя вперед, ты, которой подать руку при выходе из автомобиля, да пускай даже из трамвая, чтобы прикоснуться к твоей руке, облаченной в элегантную лайковую перчатку, считали за честь мужчины.

Теперь в ватнике, пошатываясь от голода, ты шла на строительство баррикад, ты рыла окопы на подступах к городу, чтобы там могли занять оборонительные позиции мужчины. Да не только мужчины — часто и ты сама плечом к плечу вставала рядом с винтовкой. Ты должна защитить свой город.

Ты дежурила на крышах во время артобстрелов, ты разбирала руины разбомбленных домов, тушила пожары, ты лечила раненых в госпиталях, ты работала на производстве по двенадцать часов, делая то, что нужно фронту.

Ты, как могла, оберегала своих близких. Ходила с саночками за водой к проруби на обледенелые реки, ложилась прямо на лед, чтобы зачерпнуть воды, наполнить ею бидоны. Ленинградские зимы суровы, слой льда на реках очень плотный, дотянуться до воды очень тяжело. Ты не думала о том,

что сама можешь простудиться, заболеть, что тебе тяжело, — ты просто делала то, что должна была делать.

Ты не роптала о том, что где-то, в какой-то другой жизни есть беззаботность и радость, праздник, легкость и веселье. Шампанское, духи, каблуки, нарядные платья и обожание мужчин. Ты забыла про свою красоту. Смотрелась ли ты тогда в зеркало? Подсчитывала ли количество появившихся морщин?

Стала ли ты от ужаса происходящего вокруг тебя менее красивой и любимой? Ведь тебя, такую, какой ты стала — худой, с провалившимися глазами, смертельно уставшей, в ватнике, запечатлели великие художники в своих полотнах. Ведь ты, такая, какой ты стала, в силу обстоятельств, не по своей воле, — ты была идеалом женственности, символом женской красоты, мудрости и преданности. Ты не превратилась в мужчину, нет. Ты не озлобилась и не жаловалась. Ты смотришь на нас со старых военных картин или фотографий — женщиной с копной длинных вьющихся волос, повязанных платком, ибо сейчас не время. Настанет мир — и красивые шелковистые кудри вновь спадут на твои плечи, когда твой защитник вернется домой с победой.

Даже изображая тебя с винтовкой за плечами, со взглядом, полным решимости уничтожить всякого, кто с неприятельскими намерениями попытается пробраться в твой родной город, художники видели в тебе женщину. Красивую, добрую, любимую.

Жалела ли ты себя, когда вокруг, казалось, дрожал весь земной шар от десятков разрывающихся снарядов? Когда от голода медленно умирали близкие и родные и ты ничем не могла помочь. Когда накатывало ощущение полного бессилия. Когда дома на кровати под ворохом одеял неподвижно лежал твой ребенок. Некогда розовощекий, шумный и непоседливый. А сейчас он смотрел на тебя, на мир огромными ввалившимися глазами и чуть слышно просил — кушать. А ты ничего не могла сделать. Ты отдавала ему практически всю свою норму хлеба — но этого было недостаточно. И для того, чтобы твой ребенок встал, начал ходить, чтобы силы опять наполнили его тело, в котором не осталось, кажется, ни одного грамма жира, нужно было лишь просто дать ему покушать. Сварить манную кашу и кормить с ложечки, и он бы поднялся с кровати, и начал смеяться и играть, и пошел бы во двор к друзьям, и жил бы. Прожил бы долгую, интересную жизнь. Но манной каши не было. Не было ничего. Были лишь кипяток и крохотный кусочек хлеба. И ежедневные налеты. Когда ты брала своего обессиленного ребенка и на руках несла его в подвал — в бомбоубежище. Там, в полной темноте, сидели такие же женщины, как ты, — старые и молодые, сидели дети. А земля дрожала, и в любой момент многотонная бомба могла быть сброшена на твой дом. А в это самое время на крыше стояли такие же женщины, как ты, — зажигательные бомбы летели прямо на них. Они сбрасывали их во двор — чтобы защитить дом. Сегодня их

дежурство. А завтра на дежурство заступишь ты. Город заполнит рев сирен — воздушная тревога, воздушная тревога. И ты поспешишь подняться на крышу.

В свой выходной ты повезла ребенка на саночках в больницу. Показать доктору — чтобы он сказал, что нужно сделать. Какое лечение назначить. Ведь он наверняка сможет помочь. Его учили лечить все болезни. Тебя принял пожилой доктор, сам очень худой, в белом халате, как будто с чужого плеча — на несколько размеров больше. К нему, как и к другим врачам, матери привозили своих детей с одним и тем же диагнозом. Многие повидал пожилой доктор на своем веку. Сколько детей он вылечил, вырвал из цепких лап болезни. Сейчас он не мог сделать ничего. И сказать об этом матери, привезший к нему своего ребенка с последней надеждой, он тоже не мог. У него не осталось на это сил. Он видел таких детей и взрослых каждый день, он знал, что будет дальше. Что произойдет. Но он не мог сказать об этом матери. Чтобы человек поправился, медицина могла назначить одно лечение — еду. От голодной болезни помогают еда и витамины. Это единственное лекарство, способное сделать так, чтобы болезнь отступила и ушла навсегда. Ты не произнесла ни единого слова, не проронила ни слезинки. Молча возвращалась домой и везла за собой саночки со спящим на них ребенком. Сейчас ты затопишь печку и, как сказал доктор, будешь поить кипятком с ложечки, потом пойдешь в оче-

редь за хлебом, а вечером после ужина достанешь с полки детские сказки и будешь читать вслух.

А потом, когда все закончилось, ты завернула своего ребенка в белую накрахмаленную скатерть. Ты достала ее из комода, она лежала там с мирного времени. Чисто выстиранная и накрахмаленная, после какого-то праздника, последнего праздника мирной жизни. Это была единственная ценная вещь в твоём доме, которую ты еще не отнесла на рынок и не обменяла на продовольствие. До войны ты очень берегла эту скатерть и стелила ее на стол только к приходу гостей, на праздник. В этой нарядной скатерти на тех же детских саночках ты последний раз повезла своего умершего от голода ребенка. Его похоронят в братской могиле на Пискаревском кладбище. По улице шли другие женщины, многие с такими же саночками.

Было ли тебе страшно?

Ты не считала себя героем. Ты просто жила, трудилась, боролась, защищала и оберегала свой город, своих родных. Самое главное — чтобы скорее наступила наша победа. Наступил мир.

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА

Я — квартира на втором этаже дома, стоящего прямо на набережной Фонтанки. С одной стороны из моих окон открывается вид на реку, на ее величественную, одетую в гранит набережную, где часто гуляют люди, проезжают автомобили и автобусы, слышится веселый, заразительный смех. А летом то и дело можно увидеть проплывающие мимо лодки с отдыхающими, звучит музыка. А с другой стороны из моих окон виднеется внутренний дворик. Маленький, тихий, без единого ростка дерева или травинки, типичный дворик-колодец, каких сотни в Ленинграде-Петербурге. А сам мой дом построили в конце девятнадцатого века. Монолитное, красивое здание, с высокими этажами, с барельефами на центральном фасаде. Что только не повидало оно в своей долгой жизни, ведь строили его с расчетом на века.

У меня четыре большие комнаты, кухня и очень длинный темный коридор. Везде очень высокие потолки, отделанные старинной лепниной. А в одной комнате даже сохранился самый настоящий камин.

Сейчас он уже не работает, и на нем просто стоят разные небольшие фарфоровые статуэтки, которые собирают хозяева комнаты, — слоники, собачки, а раньше он радовал своим теплом и уютом прежних владельцев квартиры. Когда меня строили, то на все полы уложили наборный паркет. Это паркет из разных ценных пород дерева. Необходимо большое мастерство, чтобы положить его правильно и красиво.

В двух моих комнатах живет семья инженеров — муж Константин, жена Зинаида и двое детей — близнецы Толя и Оля, в другой комнате живет студентка Зоя, и еще одну комнату занимает пенсионерка Алевтина Петровна. Все мои жильцы живут весело и дружно. Каждый занимается своим делом. Жизнь течет размеренно и неторопливо. Инженеры ходят на работу на завод — туда нужно проехать несколько остановок на троллейбусе, их дети учатся в школе неподалеку. Зоя постоянно пропадает в институте, пенсионерка Алевтина Петровна все лето проводит у себя на даче, а зимой частенько приглашает в гости своих подруг. Они пьют чай с вареньем и разговаривают обо всем. Алевтине Петровне ни много ни мало уже восемьдесят один год.

Так и тянулись дни за днями. Вдруг все изменилось. Началось все с того, что в одно летнее воскресное утро Константин и Зинаида почти сразу же вернулись домой с прогулки с Толей и Олей. Они собирались пойти в Летний сад, посмотреть на старинные скульптуры, побродить по тенистым

аллеям, а потом, может быть, даже покататься на речном трамвайчике по Неве и, конечно же, съесть эскимо на палочке. И прийти домой только к вечеру. Взрослые были очень встревожены, они сразу же постучались в комнату к Зое, которая еще спала, потому что всю ночь занималась, готовилась к экзаменам.

А Алевтина Петровна, как всегда летом, была на даче.

Мои жильцы собрались на нашей большой кухне, поставили на плиту кипятиться чайник, все были очень обеспокоены. И постоянно повторяли слово «война».

ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ...

Моя жизнь полностью изменилась. Мои большие красивые окна оклеили крест-накрест бумагой. Однажды Зинаида, Зоя и Алевтина Петровна собрались вместе. Достали из кладовой большую стремянку и целый день наклеивали полоски на все окна, а Оля и Толя помогали — вырезали эти полоски из бумаги. Теперь такие окна у всех моих соседок — у других квартир и почти во всех домах в городе.

А еще мои жильцы разобрали свои комоды, и у Алевтины Петровны нашлись плотные шторы, их нужно было обязательно повесить на незанавешенные окна. Не на всех окнах у нас висели шторы. Например, на кухне их не было, потому что на плите все время что-то готовилось и постоянно